Журнал “Российский КТО есть КТО” №1, 2004 г.
http://www.whoiswho.ru/russian/Curnom/12004/fb.htm

Юрий Андропов, каким я его знал

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ТАКИХ ЛЮДЕЙ НЕ УХОДИТ БЕЗВОЗВРАТНО.

К 90-летию со дня рождения

Филипп Бобков

Временное расстояние, высвечивая своим светом прошлое, позволяет, выйти из повседневной суеты, разглядеть людей, оценить или переоценить их поведение, поступки, отношение к делу, которому они служили, идеалам, в которые верили. Конечно, в первую очередь такому рентгену подвергаются общественные деятели, лидеры, те, кто находясь у руля управления, заботились не только о судьбе государства, но и опирались на доверие общества и граждан.

Почему-то захотелось повторить эту банальность, приступая к записям о Юрии Владимировиче Андропове.

В судьбе этого знаменательного человека были разные периоды. Жизнь не очень-то его щадила, всегда требовала неимоверной отдачи сил делу, которое ему поручали, а скорее - доверяли. И он тоже никогда не щадил себя. Мы, сотрудники органов госбезопасности, являлись тому очевидцами. Но это лишь один из периодов жизни и деятельности Ю.В. (так его именовали в среде чекистов), хотя и немалый - он работал пятнадцать лет на посту Председателя Комитета государственной безопасности СССР.

Назначения именно Андропова на этот пост никто не ожидал. Слухи о смене руководителя КГБ В.Е.Семичастного ходили. На первомайских трибунах 1967 года об этом говорили осведомленные люди уже не шепотом. И дело было не в том, что дочь Сталина Светлана Аллилуева ушла к американцам.

Аллилуева уехала в Индию с прахом супруга с разрешения руководителей государства. И разрешение было правильно, ибо не позволить ей исполнить завет покойного вряд ли было бы оправданным. Находилась она в Индии около трех месяцев и на 6 марта 1967 года имела билет на самолет Дели-Москва. Почти двое суток провела в Дели. Жила в посольстве. Накануне вылета обедала у посла СССР в Индии Бенедиктова, одного из бывших наиболее заметных наркомов, воспитанных Сталиным. После обеда осталась в одиночестве, так как посольство занялось обеспечением очередного официального мероприятия. В Дели прилетел с визитом начальник Генштаба Советской армии. Всё объяснимо, кроме одного. Происходило это 5 марта. Никто не вспомнил в этот день имя отца Светланы, не высказал ей полагающихся слов. И не это ли привело к роковому шагу?

Сказанное не имеет отношения к приходу Андропова в КГБ, хотя ему пришлось немало сделать для нейтрализации пропагандистских акций Запада с привлечением имени Аллилуевой.

Все понимали, что случившееся с Аллилуевой стало лишь поводом для смены руководства КГБ. Тем более, что с того мартовского дня прошло более двух месяцев и никто виновных за ее отъезд ни в каких сферах не искал.

Смена происходила в связи с ситуацией возникшей в верхнем эшелоне власти. Там, к сожалению, довольно серьезно столкнулись две группировки, интриговавшие Л.И.Брежнева. Он не устоял и поддержал тех, кто выступал против роста влияния в партии и государстве А.Н. Шелепина. В.Е.Семичастный, как и Шелепин, к интриганам не относился, но к Шелепину был все же ближе.

Решение Л.И.Брежнева назначить на пост председателя КГБ Ю.В.Андропова явилось безошибочным: он не примыкал ни к одной из групп, был честен и предан делу.

Чекисты не единожды переживали смену своих руководителей. Мне помнится март 1953 года. В кабинете нас двое. Канун похорон И.В.Сталина. По радио объявляется состав нового правительства. Министр внутренних дел - Л.П.Берия. Услышав об этом мой коллега Василий

Жигалов, чекист с довоенным стажем, промолвил: "Худая пора пришла. Большая для нас беда" и после небольшой паузы молча ушел из комнаты. Увиделись мы с ним месяца через три, так как на следующий день началась реорганизация, полная смена руководящего состава, перетасовка рядовых. В общем, новая власть.

Встретились после ареста Берии. Василий бросился ко мне со словами: "Рад тебя видеть. Очень переживал, что ты донесешь о моем высказывании". Такое в прошлом случалось. Мой ответ в унисон: "Переживал не только ты. В сказанном тобою могли быть и корыстные цели. Есть о ком донести". Такое тоже бывало.

Конечно, в 1967 году подобное случиться не могло, но перетряска высших кадров не исключалась. Это рождало настороженность, тем более что пришел руководитель практически неизвестный.

И здесь проявилось то, что вызвало уважение к Андропову, породило первые к нему ростки доверия. Ю.В. не тронул профессионалов, не стал на путь замены руководителей. Сохранились на своих местах все, за исключением одного-двух, в том числе и заместители председателя Комитета. В качестве второго первого заместителя пришел лишь С.К.Цвигун. Назначение стало неожиданным, хотя его хорошо знали, как кадрового чекиста, руководившего КГБ Таджикистана и Азербайджана. Неожиданность была в том, что он никогда не "предлагал" себя на такой пост в отличие от равных ему по должности коллег. Объяснение искали не долго: у Цвигуна были давние, добрые отношения с Л.И.Брежневым, сложившиеся по работе в Молдавии. На новом посту Цвигун целиком отдавал себя делу, стойко боролся с тяжелой болезнью. Его добровольный уход из жизни, на мой взгляд, проявление великого мужества.

Но основой КГБ - оперативными службами руководили опытные кадровые чекисты: разведкой - Александр Михайлович Сахаровский, контрразведкой Григорий Федорович Григоренко, военной контрразведкой Иван Лаврентьевич Устинов. Во главе пограничных войск долгие годы служил Павел Иванович Зырянов, а после него Вадим Александрович Матросов.

Оставались на местах и руководители региональных подразделений.

Доверие к Андропову росло и по мере его вхождения в дела Комитета, укреплялось принимаемыми решениями, подходом к анализу оперативных ситуаций, отношением к людям.

На всех произвело впечатление и вызвало одобрение первое телеграфное указание на места, определявшее подход нового председателя к решению проблем государственной безопасности страны.

Обращало на себя внимание: действия чекистов должны быть известны и понятны населению. Так не только поощрялась, но и приобрела реальное воплощение в жизнь гласность. Это привело к постоянному открытому общению сотрудников КГБ с населением, к информированию общества через средства массовой информации. Они стали частыми лекторами и докладчиками в рабочих, студенческих, творческих аудиториях, на различного рода собраниях общественности.

С первых дней работы Андропова в КГБ стал повышаться и без того высокий уровень требовательности к исполнению служебного долга.

Образцом такого исполнения служил сам Андропов. Не стану писать о его работоспособности. За время пребывания в КГБ он практически ни одного дня не был отключен от работы. Да и мы привыкли, что суббота или воскресенье самый удобный день для доклада Председателю. Ибо в будни его немало отвлекали внекомитетские дела.

Ю.В. - требовательный руководитель, но понимавший подчиненных. Остался в памяти первый случай воспитания дисциплины. В одно из воскресений, вскоре после прихода в КГБ, Андропов вызвал к себе руководителей основных подразделений КГБ. Явились не все, в том числе и я. Не нашли. Причина проста: жил на даче без телефона, дежурных машин не было… На следующий день управлению помогли организовать дежурную службу, а через три дня на даче появился не только городской телефон, но и так называемая "вертушка". Вскоре были

установлены телефоны и в служебных машинах. Понятно, что такой подход вызывал уважение к руководителю, укреплял исполнительность.

Еще одно немаловажное качество: умение слушать людей, считаться с их мнением. Андропов не отвергал несогласия, даже тогда, когда принимал решения вопреки мнению возражавших. Но, если последний оказывался прав, Ю.В. непременно признавал свою погрешность. Примеров тому немало. Это был важный элемент, благодаря которому Андропов получил признание у старых чекистов, у чекистов-профессионалов. И, наоборот, те люди, которые старались с приходом Андропова быстренько, так сказать, ему услужить путем того, чтобы рассказать, кто плох, а кто хорош… Андропов от этого отстранился и оценивал кадры так, как видел их в деле.

Привлекало в Ю.В. и то, что он не был сторонником скоропалительных решений. Принимал их вдумчиво, серьезно и не спеша. Иной раз даже кто-то нервничал, что он тянет, а потом, когда наступал итог, то всем становилось ясно, что только так и надо было поступать.

И еще - Андропов был генератором идей. Генератором тех мероприятий и той политики, которую должны были проводить органы госбезопасности. Это очень важно. Не скажу, что до него не было таких "генераторов". Были, но в нем это привлекало еще и потому, что иной раз он выдвигал идею, которая казалась: "когда это будет и что это такое?". А потом оказывалось, что это было видение, очень далекое видение той перспективы, которая может нас ожидать.

В этой связи нельзя не сказать об отношении Андропова к информации, особенно к устным докладам. Очень скоро мы убедились, что доклад без предложений о действиях, вытекающих из докладываемой информации, для него неинтересен. Просто знать мало, надо реагировать, решать. Если ты не видишь решений, то найди, тогда будем обсуждать, искать их сообща. А просто играть в информированность - дело недостойное серьезного человека.

Неотъемлемым требованием Ю.В. являлось соблюдение законности. Чекисты должны быть образцом законопослушности. Сам Андропов был весьма строг в соблюдении ответственности за деятельность КГБ перед ЦК КПСС и правительством. Прежде всего это выражалось в не укрытии того, что делает Комитет, где допускает промахи, о происходящих в его структурах нежелательных происшествиях. Такого же подхода он требовал и от подчиненных.

В целях строгого соблюдения законности Андропов ограничил некоторые права местных руководителей. Это, в частности, касалось права на возбуждения уголовных дел по статье 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда). Такое решение принималось только с санкции центра.

Вина привлеченных к уголовной ответственности должна была доказываться документами и вещественными доказательствами. Признание обвиняемых и показания свидетелей признавались лишь как объяснение действий и иллюстрация очевидцев. Это распространялось и на материалы, передаваемые в органы прокуратуры.

Может быть, здесь к месту сказать и об отношении Ю.В. Андропова к инакомыслию. Ведь, немало написано о том, что именно он преследовал, вплоть до репрессий, инакомыслящих. При этом всегда речь идет о диссидентах. Конечно, слово диссидент в переводе - инакомыслящий. Верно, еще и отступник от господствующего вероисповедания или вообще отступник.

Запад же слову диссидент придал несколько иное значение. Им он прикрывал тех, кто стал на путь нарушения закона, действуя (не словом, а делом) против советского конституционного строя. Это уже не инакомыслие. И когда сегодня немалое число людей причисляют себя к диссидентам, то это лишь желание "украсить" свое прошлое. Иные диссиденты, правда, признают, что их "борьба с коммунизмом оказалась и борьбой против России". Но это не в те годы.

На всех направлениях оперативной деятельность главным условием становилось знание оперативной обстановки и принятие мер предупреждения преступных акций, угрожающих государственной безопасности, способных дестабилизировать общество.

Многое предпринималось Ю.В. для ограничения всякого рода запретительных мер. Один из примеров тому: ограничить роль КГБ в разрешении выездов граждан за границу. Решение принимала соответствующая Комиссия ЦК КПСС, но много нареканий шло в адрес органов КГБ. Надо сказать, что в их сторону нередко "кивали" и те руководители ведомств и регионов, которые и запрещали выезды.

Тогда было принято решение: своего мнения КГБ не высказывает. Решает комиссия ЦК. Конечно, это не касалось случаев, когда речь шла о данных, связанных с ущербом государственной безопасности. Одновременно Андропов согласился с инициативой Министра культуры СССР Е.А.Фурцевой о том, что к решению вопросов о выезде за границу деятелей культуры КГБ отношения иметь не будет.

Это касалось, кстати, и Владимира Высоцкого, о котором до сих пор говорят, как о преследуемом КГБ. "Преследовали", конечно, имея ввиду заполучить его для выступлений в своей аудитории.

Кстати, тогда же было принято решение о не реагировании на всякого рода анонимные доносы. Расследованию подлежали лишь анонимные заявления о возможных акциях террора, экстремизма, использовании взрывных устройств.

При Андропове совершенно исключены были запреты со стороны КГБ на публикацию произведений литературы, театральные постановки, кинофильмы. Единственный случай: "Агония" Элена Климова, но с объяснением принятого решения автору. Вместе с тем, немалое увидело свет после вмешательства со стороны "виновников" запрета. По инициативе КГБ, в частности, вышли книги не издавшихся многие годы авторов - Б.Зайцева, Северянина, Мандельштама, Бруно Ясенского, Павела Васильева.

Андропова отличало весьма серьезное отношение к заявлениям граждан. Ни одно из них не должно было оставаться без ответа, равно как и обещания, исходящие из центра в местные органы.

Такое внимание к заявлениям в КГБ породило желание граждан обращаться с просьбами и жалобами, удовлетворение которых они нередко не находили в партийных и государственных учреждениях.

Вспоминается такой случай. В Москве вдруг объявились "независимые профсоюзы", о чем поведал миру корреспондент агентства "Рейтер". Оказалось, что в столице уже около двух лет образовалась довольно большая группа людей, добивающаяся удовлетворения своих жалоб. Она безрезультатно ходила по приемным высших органов власти, редакций центральных газет. Иногда получала помощь лишь от ЦК ВЛКСМ. Её-то и заприметил досужий корреспондент, подсказавший и идею "независимых профсоюзов". Акция!

Ю.В. принял решение пригласить сто человек из этой группы в приемную КГБ. Люди изложили свои просьбы. Все они касались решения их проблем на местах. Андропов направил записку в ЦК КПСС с предложением рассмотреть и принять по ним решения. Понадобилось дней десять, и все просьбы, за исключением четырех, были удовлетворены. Правда, ревность в определенных кругах такое поведение КГБ, к сожалению, вызвало. Ревность, а не желание работать также.

Андропов реагировал на все, что до него доходило и требовало "развязки", т.к. могло вызвать нездоровую реакцию в обществе.

Так он поступил в день похорон Василия Шукшина, творчество которого высоко ценил. Кто-то вдруг инспирировал слух о запрете хоронить писателя на Новодевичьем кладбище. Явная провокация не удалась, благодаря вмешательству Андропова.

В данном случае пишу о частностях, но думаю, что через них видится весь Андропов, заботившийся о доверии народа к государству и тем самым об укреплении самого государства и советской власти. Он весьма переживал уход от решения актуальных проблем простых людей, лиц занимавших руководящее положение в партии и государстве, их нежелание реагировать на уже угрожавшие стабильности негативные процессы. В частности, нараставшую напряженность в межнациональных отношениях в ряде районов страны, рост коррупции в партийном и государственном аппаратах, разбалансированность планов развития экономики, сокрытие правды информационными службами.

Вся его деятельность в органах госбезопасности была подчинена именно укреплению государственности, упрочению положения Советского Союза в мировой системе, поиску путей демократизации общества на основе социалистических начал.

Его роль в повышении уровня работы на решающих направлениях оперативной деятельности КГБ - разведки и контрразведки - неоценима. Они стали действенной силой укрепления безопасности страны, вносили немаловажный вклад в ее обороноспособность и экономическое развитие. И не Андропов повинен в том, что этот взнос в общегосударственный фонд оставался нереализованным. Государство из года в год теряло динамизм, продолжая по инерции жить достижениями прошлого.

Особое место занимало развитие технической базы в системе Комитета. Созданные по инициативе Андропова научные институты мало чем отличались от передовых исследовательских институтов страны. Их достижения в вычислительной техники, электроники, связи, криптографии получали высокую оценку, а главное - внедрялись в практику и служили делу.

Сегодня очевидно, что в те давние годы Андропов, как никто другой в государстве, да и в органах госбезопасности, видел опасность, которую таили в себе планы спецслужб Запада по подрыву государственного строя в СССР, разрушению великой державы.

К сожалению, эйфория непобедимости после Великой Отечественной войны продолжала овладевать умами государственных и партийных деятелей, внедрялась в сознание граждан Советского Союза. Она и мешала противостоять действиям, явно угрожавшим жизни и планомерному развитию страны.

Именно с этим видением пришел в КГБ Андропов, и его первым решением стало создание новой структуры, выделив одно из направлений контрразведки, в задачу которого вменялась необходимость противодействия спецслужбам, идеологическим центрам Запада и действовавшим под их эгидой антисоветским организациям по проникновению в СССР в целях дестабилизации обстановки и подрыва конституционного строя. Это никак нельзя назвать возрождением политического сыска, о чем немало написано в последние годы.

Структура нового управления определялась направлениями действий западных спецслужб, предполагая создание оперативных заслонов на путях их проникновения, изучение и знание той среды и тех районов, куда прежде всего направлены эти устремления. Никто при этом не исходил из недоверия власти к определенным категориям советских граждан. В том числе к интеллигенции. Не в недоверии дело. Но разве можно было не придавать значения, например, указанию Госдепартамента США своему посольству в СССР, в котором говорилось: "Сосредоточить внимание на соответствующей обработке местных авторитетов в области культуры, критиков, студентов и отдельных лиц, которые могут влиять на формирование общественного мнения".

Однако главное, что определяло решение Андропова: "разгар холодной войны", развязанной против СССР после речи Уинстона Черчилля в Фултоне в 1946 году. Именно после неё сын Франклина Рузвельта Эллиот писал:"…Соединенные Штаты и Великобритания первыми показали бронированный кулак и первыми нарушили совместные решения" (имеются ввиду договоренности союзников по антигитлеровской коалиции. - Авт.). В шестидесятые годы "холодная война" все заметнее переносилась непосредственно на территорию СССР и требовалось противодействие конкретным замыслам, вытекавшим из планов западных пропагандистских центров и специальных служб.

Осуществлялось то, о чем поведал миру Джон Фостер Даллес в 1957 году: "Мы тратили много миллиардов долларов за последние пять лет, готовясь к возможной войне с использованием бомб, самолетов, пушек. Но мы мало тратили на войну идей".

И траты шли. Разрабатывались планы разрушения СССР, подрыва его государственных устоев, дестабилизации обстановки в странах Восточной Европы. Емко сказано в программе "Комитета радио "Свобода": "Задача состоит не в пропаганде антикоммунизма, а в достижении конструктивных изменений в стране (СССР)".

Отсюда вытекала и потребность не только противодействовать проникновению агентуры западных спецслужб, но и знать обстановку, знать среду, в которую они устремляются,

видеть процессы, которые могли быть использованы спецслужбами и западной пропагандой в подрывных целях.

Эти знания были необходимы и для того, чтобы предотвратить опасность неоправданных репрессивных мер. А такая угроза нарастала. В шестидесятые годы неоднократно возникали массовые беспорядки в различных районах страны. Нельзя было оставаться равнодушным и к негативным процессам, явно дестабилизировавшим обстановку в обществе. Однако причины этого глубоко не изучались, а потому и предотвращать их не удавалось. Что вело к неожиданностям, рождало поспешные решения и меры. Незнание обстановки приводило к тому, что организаторы беспорядков зачастую оставались в тени, уходили от ответственности, а виновным оказывался, как говорят, крайний.

Действуя в соответствии с установками Андропова, удалось в корне изменить ситуацию. Главным определялось предотвращение беспорядков, как и вообще уголовных преступлений, ставивших целью подрыв конституционного строя. О чем уже шла речь.

Конечно, не это направление оперативной деятельности органов КГБ занимало главное место в работе его Председателя. Но пишу об этом потому, что именно оно чаще всего звучит и комментируется сегодня.

Пишу и потому, что Андропов не повторил в сложных условиях своих предшественников, избежал расширения репрессивных мер. И это несмотря на упреки в либерализме.

Беда состояла в другом. Идеологическая агрессия Запада, находившая поддержку со стороны некоторых представителей общественности и лиц, ставших на путь сотрудничества с созданными спецслужбами Запада центрами "психологической войны", не вызвала тревоги в руководящих сферах власти. Противодействие такой агрессии не носило продуманного характера. Никто не хотел заниматься устранением явных негативных явлений и даже процессов, разрушавших общественное единство. Многие предложения Андропова на сей счет не находили поддержки или ограничивались формальными декларациями.

Сила же Андропова крылась в идейной убежденности. Он твердо стоял на позициях коммуниста. Юрий Владимирович принадлежал к тем, кто продолжал дело, начатое первопроходцами, ставшими на путь создания социалистического государства, осуществление, по нынешней терминологии, социалистического эксперимента.

Андропов остро ощущал необходимость модернизации социалистического общества, знал его изъяны, видел пути совершенствования. Это касалось, как экономики, так и негативных процессов, происходивших в обществе. Но не о перестройке шла речь. Перестраивать социализм? Это - не Андропов. От него не раз приходилось слышать в ответ на критику социализма в СССР, что другого социализма в истории человечества не было. Это слова первопроходца.

Но он был единственным лидером, который задумался над вопросом: "В каком обществе мы живем?". Ответ искал не вне марксизма, а в теоретическом осмыслении практики первопроходцев и выработке на ее основе стратегии дальнейшего развития. Ему не хватило времени поднять творческие силы на решение поставленной временем задачи.

И совершенно очевидно, что он не допустил бы распада государства, нашел бы средства объединить общественные силы на основе расширения демократии, не допустить дестабилизации в обществе. Ему были дороги общенациональные интересы всех народов, населяющих великую страну.

Личность Юрия Владимировича Андропова и ныне видится как образец убежденности, стойкости, мужества и благородства. Он остается ярким символом ушедшего века.

Это только кажется в суете современности, что исторический опыт таких людей, как Андропов, ушел вместе с их временем. На самом деле в Истории такой опыт продолжает жить.

Журнал “Российский КТО есть КТО” №1, 2004 г.
http://www.whoiswho.ru/russian/Curnom/12004/ua1.htm

Юрий Андропов
Путь к обновлению

В.В. Шарапов

На посту руководителя Советского Союза Ю.В. Андропов был всего пятнадцать месяцев, а с тех пор, как он ушел из жизни, минуло уже два десятилетия. Но вот парадокс - он и сегодня остается для россиян одним из самых влиятельных политиков. Его вспоминают, о его делах говорят, спорят. Об Андропове пишутся книги и статьи, делаются телепередачи.

Интерес к четвертому Генеральному секретарю ЦК КПСС понятен. Его деятельность пришлась на тот период истории Советского Союза, когда решался вопрос, сумеет ли социализм найти в себе самом силы, чтобы справится с трудностями, дать ответ на вызов времени, связанный с научно-техническим прогрессом и развитием демократии, где Запад сумел осуществить прорыв.

Страна встретила приход Андропова единодушным одобрением, ожиданием перемен к лучшему.

Он выделялся среди других партийных и государственных руководителей. Выделялся широким политическим кругозором, аналитическими способностями, знанием теории и практики, умением видеть сильные и слабые стороны в различных областях жизни общества, успехи и недостатки советской власти. Отличался бескорыстием. Деньги, положенные ему за воинское звание в КГБ, отсылал в школу-интернат. Говорил, что ему вполне хватает трехкомнатной квартиры на Кутузовском проспекте. Был нетерпим к стяжательству, коррупции, стремился решительно пресекать преступность. Борьбу с этими пагубными для любого общества явлениями он начал еще на посту руководителя КГБ. Он был, как это сейчас принято говорить, интеллектуалом. Получив высшее образование, никогда не прекращал заниматься самообразованием, что отличало многих выдающихся людей оставивших заметный след в истории. Очень много читал, хорошо разбирался в литературе, поэзии, музыке. Писал стихи и, обладая красивым голосом и музыкальным слухом, пел для себя и друзей.

Пишут и говорят, сейчас об Андропове, разумеется, по-разному. Одни считают, что доведись ему еще пожить, социализм сумел бы пойти по пути обновления, и страна была бы ныне иной. Другие заявляют, что ни изменить, ни обновить социализм вообще было невозможно. Такие, диаметрально противоположные оценки деятельности Юрия Владимировича во многом определяются различным восприятием истории нашей страны, реальностей нынешнего общества.

Кто-то обращается к тому прошлому, когда не было безработицы, бесплатными были образование и медицинское обслуживание, гарантированное, хотя и скромное, обеспечение по старости, стабильные и доступные цены, когда действовал порядок обязательного отклика на обращение людей, жаловавшихся на бюрократизм и несправедливость властей, когда существовала уверенность в том, что никто не посмеет придти к нам с мечом или диктовать условия как нам жить. Тогда была вера в справедливость и уверенность в лучшем будущем.

Многие до сих пор не понимают и не соглашаются с тем, как была осуществлена "дикая приватизация", которая привела к переделу громадной государственной собственности, к сосредоточению основных богатств в руках кучки олигархов и коррумпированных представителей властей, к существованию за чертой бедности четверти населения страны - явлению позорному для любого современного, демократического общества.

Видящие все это, испытывающие за такое положение стыд и боль, возвращаются к Андропову, чтобы понять какую возможность сохранить то хорошее, что дал социализм людям, и отбросить все негативное, антидемократическое, предлагал он.

А те, кто выгадал от передела социалистической собственности, кто пугает гражданской войной в случае любой попытки государства вернуть себе, хотя бы часть растащенных с нарушением законов богатств страны и использовать их для развития экономики, образования, здравоохранения, науки, укрепления обороноспособности Родины, улучшения

жизни народа, тот твердит, что и планов никаких конкретных у Андропова не было, и ничего нового им не предлагалось.

Перечитываю выступления Юрия Владимировича того периода, вспоминаю бурные события, заглядываю в дневники, в короткие блокнотные записи того, что говорил генсек. Все отчетливее становится видно, как созревали его замыслы по обновлению управления хозяйством страны, по развитию демократии, как приходил он к идее реформирования всех сторон жизни общества на базе социализма.

Перемены будут

Всего через десять дней после пленума ЦК, на котором Ю.В. Андропов был избран Генеральным секретарем, состоялся еще один, где предстояло обсудить план и бюджет на 1983 год.

Первоначально, еще при Л.И. Брежневе было решено провести такой пленум 15 ноября. Для него было подготовлено и выступление. Прочитав текст, Юрий Владимирович решил, что выходить на трибуну перед партией и всем народом со старыми установками нельзя. Страна нуждалась в переменах во всех областях жизни, в выходе их того состояния, которое в последствии назвали "эпохой застоя". Предложил хоть бы немного отодвинуть срок. Пленум перенесли на неделю - на 22 ноября. Все понимали, что вроде бы привычное обсуждение знакомых вопросов приобретало совершенно иной смысл. Ждали, будут или нет перемены.

Люди надеялись, что смена руководства позволит по-новому подойти к проблемам развития экономики и решения наболевших социальных проблем, удастся ускорить развитие промышленности и сельского хозяйства, рост благосостояния населения. Ожидали, что расхитители социалистической собственности, чиновники-бюрократы, взяточники, неспособные и не желающие как следует работать кадры любого ранга будут наказаны по закону, сняты со своих постов. Надеялись, что будет создана такая атмосфера, когда голос труженика будет услышан в любой инстанции, будет, учтен при решении всех важнейших дел страны.

В этот период Андропов работал с огромным напряжением. Ему предстояло определиться по сложнейшим вопросам развития экономики страны. Ждали, как справится он с этим. Были такие, да и сейчас еще есть, кто подкидывал мысль о недостаточном знании новым генсеком хозяйственных вопросов, об отсутствии у него интересов к экономическим проблемам. Многие, наоборот, искренне поражались, как быстро и точно схватывал он эти вопросы. И те, и другие забывали, что за плечами Юрия Владимировича была большая школа хозяйственной деятельности.

Он занимался этими делами, будучи вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, затем и Карельского обкома, когда нужно было восстанавливать и строить новые промышленные предприятия, жилье, дороги, заниматься лесом и производством бумаги, поднимать сельское хозяйство. Как Секретарь ЦК и руководитель Отдела по связям со странами социализма, как посол в Венгрии он непосредственно участвовал в разработке основных направлениях новых экономических связей между странами социализма. В КГБ он направлял работу по созданию новейшей научной и производственной базы, позволившей разведке и контрразведке по техническому обеспечению находиться на передовых мировых рубежах. Как член Политбюро, он активно участвовал в выработке важнейших экономических решений. Возглавляя службу безопасности, он знал и о реальных достижениях науки, техники, производства, и обо всех недостатках в этих областях. Еще при Л.И. Брежневе, когда К.У. Черненко претендовал на пост преемника, Юрию Владимировичу было поручено вести работу Секретариата ЦК, где обсуждались в деталях все важнейшие хозяйственные вопросы.

Действительно, Андропов не занимался чисто хозяйственной деятельностью. Но сколько было у нас таких хозяйственников, которые десятилетиями сидели в высоких креслах, но так и не смогли, или не захотели разобраться в истинных причинах трудностей, выдвинуть конкретные предложения по выходу из них. Сколько оказалось таких, что в последствии

втянули страну в губительную для народа приватизацию, шоковый обвал цен, толкнули ее в финансовую пропасть дефолта. Юрий Владимирович видел недостатки и трудности, стремился найти верные решения их преодоления. И еще, он умел слушать и понимать других, вызывать собеседников на откровенный разговор. Чутко улавливал новые мысли. Таков был стиль и принцип его работы.

Юрий Владимирович понимал, что для решения больших дел, обновления страны, нужны кадровые перемены. Но в то же не раз подчеркивал, что работать надо прежде всего с теми, кто сегодня есть, а уже в процессе работы подтягивать новых людей, отсеивать не желающих или не умеющих решать новые задачи. Состав Политбюро был сложным. В него входили не только руководители, поддерживавшие Андропова в поиске новых путей, но и те, кто думал обойтись без перемен, кто хотел сам занять пост Генсека. Их вполне устраивала застойная обстановка, когда надолго было обеспечено пребывание в высшем эшелоне власти, когда не надо было выдвигать новых идей, которых, к тому же, зачастую у них и не было. Они призывали нового генсека "воспринять брежневский стиль руководства".

С первых же дней Андропов предложил всему руководству включится в общую работу. Его активно поддерживали Устинов. Громыко, Горбачев. Для проработки важнейших экономических вопросов был привлечен Рыжков, которого избрали Секретарем ЦК, назначили руководителем только что созданного экономического отдела ЦК.

В своих воспоминаниях о том периоде Николай Иванович Рыжков, с огромным уважением и доверием относившийся к Андропову, ставшим одним из его ближайших соратников в реформировании экономики, описывает, как ему предлагали работу в ЦК. Приглашенный Андроповым на беседу он сначала отказывался, ссылаясь на отсутствие опыта партийной работы, на то, что до мозга костей является производственником, экономистом. Юрий Владимирович подошел к этим доводам по-своему, сказал, что именно такой человек и нужен. "У Вас, - говорил он, - другой опыт есть, школа, кругозор. Сами же перечисляли: завод, затем министерство, то есть вся отрасль, дальше - Госплан, то есть все народное хозяйство… Если Вам небезразлична судьба страны, народного хозяйства - а, судя по нашему разговору, небезразлична, - соглашайтесь. Где еще Вы сможете воплотить Ваши замыслы в реальность?".

Небезразличность к судьбе страны, стремление сделать жизнь лучше - такие критерии предъявлял Андропов при подборе кадров. Всегда ли он верно определял возможности и подлинные достоинства людей? Как правило, - да. Но бывали и здесь неудачи. Если Юрий Владимирович видел, что человек "не тянет", или ведет дело в другую сторону, он плавно отодвигал его. По-другому, решительно и круто подходил он к тем, кто проявлял шатания в отношении принципов социализма, интересов Советского Союза.

Андропов ежедневно прочитывал сотни страниц различных материалов, которые подкладывались помощникам на его стол. Здесь его выручала удивлявшая нас способность быстро читать, схватывать текст не по строчкам и предложениям, а целыми абзацами. При этом он успевал еще, и анализировать прочитанное, думать, кому и какое поручение, вытекающее из полученной им информации, дать. С утра до позднего вечера он проводил встречи, разговаривал по телефону с членам Политбюро, секретарями ЦК, руководителями Госплана и министерств, отделов ЦК, с республиканскими и местными партийными, советскими и хозяйственными руководителями, учеными. Все это подчинялось одному стремлению - разобраться с истинным положением дел в экономике, понять различные точки зрения на пути выхода из трудностей.

Требовалось в кратчайшие сроки остановить негативные тенденции в экономической жизни, вывести страну на путь интенсивного развития в соответствии с требованиями и возможностями научно-технического прогресса.

Постепенно, по мере углубления анализа ситуации в стране вызревала мысль о том, что какими-то скоропалительными решениями дело с места не сдвинешь, что нужны значительные изменения, прежде всего, в управлении экономикой. Но чтобы начать их, необходимо было все тщательно просчитать, определить последствия проверить многие идеи, на практике. Время такой возможности не давало. Тогда Андропов и предложил

сказать на пленуме, что готовых ответов на те вопросы, которые возникли в хозяйстве страны, пока нет. Самым же главным он считал ясно обозначить, что стоит за перемены, за обновление социализма.

Работая над выступлением, Юрий Владимирович все время подправлял его, старался по-новому подойти к неновым для страны вопросам. В эти дни часто приходилось слышать, как он, остановившись на каком-то важном, по его мнению, моменте в тексте, откладывал страницы в сторону и размышлял вслух:

- Нельзя не видеть того, что сделано и делается хорошего, тех огромных объемов работы, которая проводится у нас. Но говорить надо обязательно и о трудностях, о недостатках и упущениях. Нужно учитывать трудности, с которыми столкнулась страна, и с которыми она еще может столкнуться в ближайшее время. Сразу все исправить, повернуть на новые рельсы - не получается, катиться по инерции - тоже не годится.

Но вот и Пленум. Уже прочитаны доклады, прошли выступления. Юрий Владимирович выходит на трибуну. Видно, что волнуется. Достает нужные для чтения очки с толстыми стеклами. В зале тишина. Даже старожилы таких заседаний не перешептываются как обычно.

Первые фразы. Все вроде бы привычно: надо увеличивать темпы развития экономики, прироста продукции промышленности и сельского хозяйства. Голос Андропова становится тверже, строже: "Хотелось бы со всей силой привлечь ваше внимание к тому факту, что по ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки оказались невыполненными... Главный показатель эффективности экономики - производительность труда растет темпами, которые не могут нас удовлетворить... Планы по-прежнему выполняются ценой больших затрат и производственных издержек". И тут же называет главную причину такого положения - сила инерции, привычка к старому, незнание дела. Зал оживился, загудел.

"В общем, товарищи, - продолжает Андропов, - в народном хозяйстве много назревших задач. У меня, разумеется, нет готовых рецептов их решения".

Вот он - один из ключевых моментов выступления. Ведь ясно, что генсек располагает всеми, принятыми ранее решениями, которые предписывали, как надо управлять народным хозяйством. Чего, казалось бы проще: прочти их вслух и управляй по старому. А он говорит совсем другое, говорит, что готовых рецептов нет. Значит, надо искать новые решения - понимают присутствовавшие в зале. Значит, нужны перемены!

Сказав, что спасительных ответов на острейшие вопросы, возникшие в экономике страны, нет, Юрий Владимирович, не был бы самим собой, если бы оставил без ответа поднятый им самим же вопрос. И он излагает свой подход к тому, по каким направлениям нужно вести поиск нового.

Главным, подчеркнул он, должно стать ускорение работы по совершенствованию всей сферы руководства экономикой - управления, планирования, хозяйственного механизма. И не только сказал об этом, но и пояснил, чего он ждет от такой работы. Он считал, что необходимо создать такие экономические и организационные условия, которые бы стимулировали "качественный, производительный труд, инициативу и предприимчивость".

Андропов предлагает расширить самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Говорит, что такие поручения уже даны Совмину и Госплану. Но эта самостоятельность, хозрасчет, должны быть, по его мнению, самым тесным образом связаны с интересами государственными, общенародными.

Продолжая излагать свой подход к поиску ответов на стоящие перед страной вопросы развития экономики, реформирования управления хозяйством, Андропов опять обращается к вроде бы привычной теме, кочевавшей не один год из доклада в доклад на съездах и пленумах - о научно-техническом прогрессе. Почему дело в этой области движется медленно? Да потому, говорит Андропов, что надо менять весь механизм внедрения новой техники. Нельзя мерится с тем, что ее по решению сверху устанавливают на предприятиях в приказном порядке. А производственники от такого приказного порядка теряют в зарплате,

так как им приходилось тратить силы на реорганизацию производства, что не учитывалось должным образом при планировании.

Перед правительством, министерствами, научными учреждениями была поставлена задача выявить, что мешает внедрению новой техники, по-иному подойти к планированию всего этого процесса, к материальному стимулированию с тем, чтобы внедряющие у себя на производстве эту самую новую технику не оказывались в невыгодном положении.

Расчет строился на том, что все это позволит предприятиям, получавшим хозяйственную самостоятельность, смелее и быстрее идти на освоение достижений науки, техники, передового опыта не только Советского Союза, но и других социалистических стран, наиболее развитых капиталистических государств.

И еще одно направление особо выделил Андропов - рациональное использование материальных и трудовых ресурсов. Он подчеркнул, что "сейчас вопрос об экономии материальных ресурсов должен рассматриваться по-новому, а не так, что "сэкономил - хорошо, не сэкономил - тоже сойдет". Юрий Владимирович считал, что от решения проблемы сокращения производственных затрат во многом зависит не только выполнение плана, но и все состояние экономики страны.

Затронул Юрий Владимирович и тему сельского хозяйства. К решению о расширении самостоятельности колхозов и совхозов он добавил предложение о необходимости развития подсобного хозяйства. Многие дворы к тому времени не имели у себя ни скотины, ни птицы. Это был для деревни важный вопрос. Начиная с первых лет организации колхозов, подсобные хозяйства то старались упразднить, то давали им право на "сосуществование". Но так до конца они и не смогли раскрыть свои возможности, позволявшие обеспечивать, не только потребности самих крестьянских семей, но и снабжение города продовольствием, а легкой и пищевой промышленности сырьем.

Развитие села уже несколько лет курировал в Политбюро М.С. Горбачев, подключившийся теперь к определению экономической политики, намечаемой новым руководителем страны. Андропов и здесь не стал сглаживать углы. Он сказал, что есть перебои в снабжении продовольственными товарами, что трудиться надо так, чтобы огромные средства, выделяемые селу, давали отдачу уже сегодня и еще большую - завтра.

В выступлении Андропова на пленуме было ясно обозначено, что расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и колхозов является одним из основных направлений реформирования управления экономикой.

Другим таким направлением было наведение дисциплины. Зал взрывается аплодисментами, когда Юрий Владимирович говорит: "Следует решительно повести борьбу против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины. Уверен, что в этом мы встретим полную поддержку партийных и профсоюзных организаций, поддержку всех советских людей".

На пленуме произошло примечательное событие, которое стало свидетельством того, что курс на укрепление дисциплины берется всерьёз и на долго, что новый Генсек намерен проводить его последовательно и решительно. Юрий Владимирович указал на низкий уровень руководства в министерствах транспорта, черной металлургии и капитального строительства. Призывая вознаграждать хороший труд материально, он заявил, что "плохая работа, бездеятельность, безответственность должны самым непосредственным и неотвратимым образом сказываться и на материальном вознаграждении, и на служебном положении, авторитете работников". Это был серьезный удар по бесхозяйственности и безответственности.

Не мог Андропов обойти стороной и вопрос об уровне жизни. Тогда чувствовался рост недовольства низкой зарплатой, отсутствием многих товаров, недостатком продовольствия и жилья, школ, больниц, детских садов. Люди получили возможность сравнивать свою жизнь с той, что они видели тогда в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Югославии, не говоря уже о странах Западной Европы, Японии, Соединенных Штатов.

Хорошо известно, как часто в таких случаях людям обещались "золотые горы", назывались впечатляющие цифры роста всего и везде, (это, к сожалению, осталось любимым

приемом многих нынешних политиков, особенно в ходе выборных компаний). Но ведь в жизни от таких пустых обещаний людям не стало бы лучше. Нет, на это Юрий Владимирович пойти не мог. И не пошел. Он подчеркнул, что пути повышения жизненного уровня населения следует искать в более тесной увязке с тем, как страна работает. Призвал рассмотреть задачи, стоявшие перед обществом в разрезе каждой отрасли, каждого завода, каждого участка, цеха и даже рабочего места.

Андропов считал, что добиться роста производства товаров широкого потребления, продуктов питания, расширения строительства жилья и социально-культурных объектов можно только тогда, когда будет достигнуто активное участие в общей работе каждого труженика города и деревни. Именно такую задачу генсек ставил перед членами ЦК, перед руководящими работниками всех уровней, перед всем обществом.

Не меньше вопроса об уровне жизни волновали население и проблемы развития демократии. Людям хотелось ясности во всем, правды. Нельзя было не видеть, как росла их отчужденность от государственной собственности, утрачивался трудовой порыв. Росло стремление к стяжательству. А сколько было анекдотов о нашей выборной системе. Сколько было недовольства всесилием командно-бюрократического управления Центра и отсутствием многих прав и свобод на местах. Все это сковывало инициативу, порождало апатию, иждивенческие настроения.

На пленуме Андропов довольно коротко говорил о развитии социалистической демократии. Он сказал об этом лишь в конце своей речи. Но не потому, что ставил этот вопрос на последнее место, а потому, что именно им он хотел, как бы обобщить свои предложения о путях обновления страны. Чтобы добиться успеха в этом деле, отмечал Юрий Владимирович, необходимо дальнейшее развитие социалистической демократии. Он будет все время возвращаться к этому положению в своей дальнейшей деятельности. А тогда выделил лишь главное - "все более активное участие трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами". И перемены в этом направлении стали осуществляться.

Чтобы лучше осознать смысл такого понимания демократии, не нужно особых усилий. Достаточно взглянуть на сегодняшнюю действительность. Где это активное участие масс в решении важнейших государственных дел, в решении каких-либо вообще вопросов, касающихся зарплаты или условий труда на приватизированных предприятиях? И не потому ли Россия вязнет в сложнейших экономических и социальных проблемах, болезненно сказывающихся на подавляющем большинстве народа, не потому ли страна никак не может найти свою национальную идею, стать действительно единой, что обнищавшие, лишившиеся многих своих демократических прав трудящиеся массы оказались отстраненными от участия в выработке основных направлений политической, экономической и социальной политики, от реализации этой политики на практике?!

Что касается вопросов внешней политики, призванной сохранять мирные условия, необходимые для развития страны, проблем упрочения связей со странами социализма, то здесь Андропов выделил несколько основных моментов.

Он подчеркнул первостепенное значение сотрудничества со странами социализма, в том числе и в совместном решении задач научно-технического прогресса. Обращаясь к руководству, Китайской Народной Республике, призвал его к взаимному поиску конструктивных решений, направленных на установления доверия и взаимопонимания, преодоления предрассудков, порожденных прежними годами.

Ясно и твердо сказал, что Советский Союз будет и в дальнейшем придерживаться политики разрядки. В ее разработку сам Андропов внес немалый вклад в предыдущие годы. Заявил, что военное соперничество не является политикой Советского Союза, который выступает за разоружение, основанное на взаимности и равенстве. Одностороннего разоружения Запада мы не требуем, подчеркнул он. Но пусть никто не ждет и нашего одностороннего разоружения: "Мы не наивные люди". На дипломатическом языке все это означало, что новое советское руководство ради упрочения мира, разоружения готово идти на разумные компромиссы.

Выступление Юрия Владимировича с удовлетворением было воспринято и поддержано всем обществом. Конечно, он говорил тогда еще не в полный голос. Но главное сказал - он за перемены, и перемены будут. Уже ближайшее время подтвердило это.

Н.И. Рыжков, ставший одним из ближайших сподвижников Юрия Владимировича, а затем главой Советского Правительства вспоминает, что это выступление нового генсека было созвучно мнениям и идеям о путях вывода страны из трудностей, которые в те времена обсуждались лишь в узком кругу товарищей, друзей по работе и жизни: "Тогда, на ноябрьском Пленуме, слушая привычные фразы словотворчества, все же легко ловил в докладе Андропова чрезвычайно близкие мне мысли. О необходимости ускорить совершенствование всей сферы управления экономикой…об увеличении самостоятельности предприятий, колхозов, совхозов, о решительности в борьбе с повальным нарушением дисциплины". Эти мысли, по словам Рыжкова, "были услышаны, и не только мною, и вызывали некое чувство, которое я невольно определил бы как удивленное ожидание… Что-то не так, не по-прежнему? Да, точно. Что-то будет, что-то новое? Посмотрим, посмотрим…"

Историк Рой Медведев, не углубляясь в суть высказанных Андроповым идей, отметил, что его выступление стало по тем временам "содержательным и энергичным", что оно явилось предметом тщательного изучения во всех советологических центрах западных стран.

Сам Юрий Владимирович анализируя первые отклики в стране отмечал, что разговор на пленуме затронул интересы людей и потому, высказанные там идеи обновления были восприняты обществом. Через год после ноябрьского пленума он уже с полным основанием заявил, что его решения "всколыхнули трудящихся, нацелили их на хорошую работу и вместе с тем породили большие ожидания. Немало сделано, но многое еще впереди".

О дисциплине

Когда заходит речь о деятельности Андропова на посту Генерального секретаря, обычно говорится и о его стремлении установить в стране дисциплину, навести порядок. Здесь критики причитают по поводу того, что решались эти проблемы, дескать, недемократическим образом, что ничего серьезного за курсом на укрепление дисциплины не стояло, и задуман он был лишь для достижения "быстрых результатов".

Как же возникла эта проблема с дисциплиной и как она на самом деле решалась?

1982 год не такой уж и далекий. Многие россияне хорошо помнят, что тогда в городе и деревне, на предприятиях и в госучреждениях, в научных институтах обычными были опоздания на работу, часовые перекуры, отлучки, прогулы, коллективные выпивки, работа спустя рукава. Такими же обычными были перерывы в работе, когда: то кирпича не хватало, то металл не подвезли, а то и вовсе что-то забыли учесть еще при проектировании и составлении производственного плана. Словом, царила расхлябанность, бесхозяйственность.

Известно и то, чем оборачивалось все это для страны, для жизни самих же людей. В 1982 году, по данным статистических органов, впервые после войны остановились в своем росте реальные доходы населения. Вспоминаю, с каким огорчением, с какой нетерпимостью говорил об этом Юрий Владимирович, перелистывая справку ЦСУ, где указывалось, что страна теряла впустую миллионы и миллионы человеко-часов, а полки в магазинах при этом нередко были пусты.

Задумывая реформирование управления экономикой, предоставление хозяйственной самостоятельности предприятиям и колхозам, Андропов понимал, что при существующем тогда уровне дисциплины любое подобное начинание было обречено на провал.

Думал ли он о достижении каких-то быстрых результатов. Призывая к установлению дисциплины, говоря о государственной, плановой, технологической и трудовой дисциплины, Андропов исходил из того, что предпринимаемые в этом направлении шаги уже на первых порах, без каких-либо существенных капиталовложений могли дать заметную отдачу. Думал он и о том, что начиная обновление в экономике, в других областях жизни общества, нужно было сбросить апатию, сковывавшую созидательный потенциал общества, встряхнуть людей, стимулировать их творческую активность, добросовестный труд, вселить уверенность в возможности обновления социализма.

Но подходил он к вопросу о дисциплине гораздо глубже. Рассматривал ее укрепление не как какое-то изолированное мероприятие, рассчитанное на достижение сиюминутных результатов, а как дело долговременное, стратегическое. Не раз говорил нам, своим помощникам, что надо ясно понимать, во имя чего начинается борьба за дисциплину. Подчеркивал, что без решения этой задачи нельзя будет вывести страну из трудностей, добиться перемен к лучшему. Андропов подчеркивал, что именно наведение порядка, дисциплины может стать тем звеном, ухватившись за которое можно вытащить всю большую тяжелую цепь проблем, скопившихся в экономике. " И хотя нельзя все сводить к дисциплине, - говорил он, - начинать надо именно с нее".

И начал. Выступая на ноябрьском (1982г.) пленуме за укрепление дисциплины и наведение порядка в стране, он исходил из реальных потребностей в этом всего общества. Верил, что этот призыв поддержат советские люди. Они действительно поддержали, так как видели всю пагубность всеобщей разболтанности. Ждали твердости в наведении порядка.

Но как это случалось и раньше, большое государственное дело стало быстро перерождаться в привычную кампанейщину - погоню за быстрым результатом, показухой, непродуманностью принимаемых мер, стремлением отрапортовать об успехах раньше всех. Особенно этим грешили в Москве, где борьбу за дисциплину подстегивал первый секретарь столичного горкома В.В. Гришин. Он предпочитал опираться на силовые методы.

В ходе работы куда-то в сторону отодвинулись предложения Андропова об исправлении партийной и государственной дисциплины. На поверхности осталась лишь дисциплина трудовая. Своеобразное представление о методах ее наведения привело к облавам в магазинах и кинотеатрах, в местах отдыха. Искали тех, кто отлучался с рабочего места, прогуливал. Находили. Проверяли документы, забирали нередко в милицию для уточнения данных. Под этот гребень попадали и приезжие в столицу, отпускники, работники, вернувшиеся со смены. Это уже имело мало общего с демократическими принципами. Люди стали жаловаться, выражать недовольство в письмах и на собраниях. Такие критические настроения были услышаны, (не в пример нынешним временам, когда россияне со своими бедами зачастую ни докричаться, ни достучаться к властям не могут).

Юрий Владимирович резко отреагировал на негативную практику. Сделал это не через решение инстанций, а обратившись напрямую к рабочим. В канун Нового года, 31 декабря он поехал к рабочим, на Московский станкостроительный завод. И там ясно и четко еще раз изложил свою позицию по вопросу укрепления дисциплины.

Он подчеркнул, что с недостатками в трудовой дисциплине надо кончать, но нельзя сводить все дело к тому, что кто-то опоздал на пять минут, а другой зачастил на перекур. Еще раз напомнил, что речь идет прежде всего о понимании дисциплины в широком, государственном смысле: трудовой, плановой, организационной, технологической, снабженческой и т.д.

Андропов по-новому поставил вопрос о соединении дисциплины с конкретным результатом труда. " Нам нужна, - говорил он, - сознательная рабочая дисциплина, такая, которая двинула бы вперед производство. Нам надо наполнить борьбу за трудовую дисциплину большим содержанием, связать ее непосредственно с выполнением производственных заданий, тогда не будет, так сказать, пустого выхлопа".

И еще одно важное замечание сделал тогда на заводе Андропов. Он сказал, что работа по наведению порядка, дисциплины в стране является задачей долговременной, и решать ее надо "всем миром" и не выдохнуться раньше времени. А рабочие ответили Андропову, что призыв к дисциплине выразил и их чувства, настроения, что на своих участках, в своих бригадах, переходивших на подряд, они сами уже наводят дисциплину.

Люди видели, что в укреплении дисциплины, наведении порядка Юрий Владимирович строго спрашивает со всех, невзирая на прошлые заслуги и занимаемые посты. Были сняты с министерских должностей некоторые нерадивые, неумелые руководители, неспособные организовать нормальную работу в подведомственных им отраслях экономики. Такая участь постигла и всесильного при Брежневе заместителя председателя Совета Министров Новикова. Эта линия последовательно продолжилась.

Наказания понесли и те, кто подрывал своими действиями и поступками авторитет советской власти, порождал стяжательство и коррупцию, казнокрадство. И это тоже была конкретная борьба за дисциплину в государстве.

Андропов понимал, что одними только призывами к дисциплине, упованием на сознательность, строгой требовательностью задачу эту не решить. Он считал, что это все должно опираться на интерес, на соответствующее материальное и моральное стимулирование. Если укрепление дисциплины вело к росту производства и производительности труда, то это должно вознаграждаться.

Юрий Владимирович не раз при обсуждении экономических вопросов возвращался к одному из основополагающих принципов социализма: "каждому - по труду". Говорил, что принцип этот плохо использовался, подрывается уравниловкой, что хороший труд обязательно должен хорошо оплачиваться. В этой связи он отмечал, что сложившаяся система материального и морального стимулирования, практика применения таких стимулов нуждаются в дальнейшем улучшении.

Анализируя успехи и недостатки в осуществлении курса на реформирование системы управления экономикой, на укрепление дисциплины и наведения порядка в стране, Андропов, в декабре 1983 г., вновь отметил важность укрепления государственной, трудовой и плановой дисциплины.

Особое внимание в системе мер по укреплению дисциплины Юрий Владимирович уделял необходимости соблюдения договорных обязательств по поставкам продукции. Без строгого соблюдения таких обязательств была немыслима хозяйственная самостоятельность предприятий и колхозов, соблюдение их интересов и интересов государственных, общенародных. Подчеркивалось, что эта проблема является принципиальной, что нельзя мириться с недопоставками, а тем более выдавать премии тем, кто чуть-чуть, всего на несколько процентов что-то там не поставил. Из подобных мелочей складывались негативные тенденции, становящиеся серьезной преградой на пути прогресса.

Когда подводились итоги работы экономики в 1983 году, выяснилось, что без добавочных капиталовложений, только за счет повышения дисциплины и улучшения стимулирования хорошего труда, значительно выросли показатели производства продукции, производительности труда.

Вот чем обернулась эта демократическая акция по укреплению дисциплины, наведению порядка. Она проводилась во имя улучшения жизни народа, самим народом.

О перестройке

Есть слова, которые прочно вошли в нашу жизнь, но за эту же самую жизнь начисто утратили свое первоначальное значение. К ним относится и слово "перестройка". Оно родилось как призыв к обновлению, укреплению социализма, а стало ассоциироваться с процессом его ломки и разрушения.

Преобразования в стране пришлось начинать с поиска ответов на сложнейшие экономические вопросы. От этого зависело, сумеет ли социализм обеспечить непрерывный подъем уровня производства и жизни населения, развитие культуры и демократии. Не сразу, но неуклонно выдвигались и прорабатывались новые подходы к определению масштабов и глубины перемен в управлении экономикой. На смену привычным штампам призывов к "ускорению темпов", "экономной экономики" стали выдвигаться другие, более конкретные понятия. Тогда и вошло в политический лексикон слово "перестройка". Но относилось оно лишь к экономике.

На втором ноябрьском пленуме 1982 года Юрий Владимирович говорил, что по-хозяйски бережное использование угля, газа, нефти, тепла, электроэнергии требует "определенной перестройки во всех отраслях".

Она должна была, по его словам, воплотиться прежде всего в широкое внедрение энергосберегающих техники и технологии, в лучшее использование материального и морального стимулирования, в более строгий спрос за перерасход, превышение норм и лимитов. Речь в данном случае шла о соблюдении "той необходимой нормы хозяйствования,

которую предписывает социалистическая собственность и суть которой - в бережливом отношении к общенародному достоянию, в инициативном и энергичном его приумножении".

Через несколько месяцев Юрий Владимирович вновь возвращается к тезису о перестройке. Но теперь подходит к нему гораздо шире. В статье, опубликованной в журнале "Коммунист", он говорит о перестройке "хозяйственного механизма, форм и методов управления". Это уже - задача стратегическая. Ее решение должно было позволить вывести страну на новые рубежи в развитии экономики страны. Он считает, что такая перестройка отстала от требований, предъявляемых уровнем материально-технического, социального, духовного развития советского общества.

Чтобы двинуть вперед экономическую перестройку Андропов ставит задачу продумать и последовательно осуществить меры, "способные дать больший простор действию колоссальных созидательных сил", заложенных в экономике страны. Он подчеркивает, что при разработке этих мер необходимо неуклонно исходить из законов развития экономической системы социализма, избавиться от попытки управлять экономикой чуждыми ее природе методами, т.е. от командных, политических методов, оставившим тяжелое наследие.

Для ускорения проработки экономических вопросов Андропов создает группу. Уже через месяц после того как стал генсеком, он объединяет усилия М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова. При этом видит сильные и слабые стороны каждого из них. Но главное - видел стремление к новому.

Настораживали Андропова в экономических познаниях Горбачева трудности в сельском хозяйстве, которое тот курировал в Политбюро. За многими большими цифрами планов подъема сельскохозяйственного производства не видно было новых подходов, способных по-настоящему стимулировать крестьянский труд, стремления осмыслить, почему в равных условиях отдельные хозяйства добивались более весомых результатов, чем их соседи. М.С. Горбачев в своих воспоминаниях косвенно признает это. Он отмечает, что Юрий Владимирович, сталкиваясь с проблемой ежегодных массовых закупок зерна за рубежом, нередко реагировал очень остро:

- Ох уж эта твоя Продовольственная программа, - говорил он в таких случаях.

- Наша, наша, - отвечал Горбачев, - меры, заложенные в ней, еще не заработали, рано… Думаете, мне не хочется быстрее увидеть результаты. Четвертый год занимаюсь этим делом, а обстановка никак не улучшается…

О Рыжкове в этих же воспоминаниях говорится, что он при определенной склонности к технократическим решениям способен заглядывать за горизонт, восприимчив к новым идеям.

Н.И. Рыжков, вспоминая о том периоде, в свою очередь отмечал, что работать тогда с Горбачевым было интересно, что он тянулся знать больше, лез в малоизвестные ему аспекты, а самоуверенный характер не позволял признаться, что он многого не знал или не понимал в народном хозяйстве.

И все же Андропову удалось создать сильный тандем, которому было поручено определить проблемы на завтра, на перспективу, вытекающие из стремления реформировать экономику. Он просил их работать с деятелями науки, с практиками, с теми, кто накапливал передовой опыт труда. Еще он просил их работать дружно, по-товарищески. Внимательно прислушивался к их выводам и предложениям. Рос сам в понимании проблем и задач, постоянно подталкивал к такому росту и их, всех, с кем приходилось больше всего работать.

В последние годы появилось немало разговоров о том, что Андропов готовил Горбачева себе на смену. Так, в ноябре 2002г., в газете "Московский комсомолец" были напечатаны воспоминания А.И.Вольского, работавшего помощником Юрия Владимировича. Он рассказал, что перед декабрьским (1983г.) пленумом ЦК генсек сделал приписку в тексте готовившегося своего выступления. В ней говорилось, что заседания секретариата ЦК должен вести Горбачев. Из этого Вольский сделал вывод, что "Андропов хотел, чтобы полномочия второго лица перешли от Черненко к Горбачеву". Но этой поправки в зачитанном Черненко выступлении Андропова не оказалось.

В этой связи возникает немало вопросов. М.С. Горбачев в своих воспоминаниях пишет, что узнал о вставке генсека в доклад лишь спустя годы из публикаций Вольского. При этом он указывает, что речь шла о "ведении политбюро". Не знали о такой вставке и другие помощники Андропова. Но зато хорошо знали, что Юрий Владимирович умел добиваться намеченного. У него хватило бы сил и воли решить и задачу с назначением Горбачева. Но он об этом ничего не говорил нам и после пленума. На то, видимо, были свои причины.

Вернемся, однако, к тому, как шли тогда дела в экономике.

Основы обновления социализма, перестройки экономики закладывались тогда, когда по призыву Андропова началось реалистическое, самокритическое осмысление того, на каком этапе развития находится советское общество. "Нам, - подчеркивал он в статье в "Коммунисте", - надо трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед - значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом - значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами - вот что сейчас требуется". Исходя из этого, он отметил, что если данный этап определен, как развитой социализм, то следует понимать, что страна находится лишь в начале этого "длительного исторического этапа".

В речи на июньском пленуме 1983 года генсек, возвращаясь к вопросу о необходимости ясного представления о характере, особенностях и трудностях этапа, на котором находился Советский Союз, сказал, что построенное в стране общество не следует считать совершенным. "В нем, - отмечал он, - еще много объективно обусловленных трудностей, естественных для нынешнего уровня развития. Немало есть и недостатков, вызванных субъективными причинами, не всегда умелой и организованной работой людей".

Летом 1983 года были приняты важные решения, позволяющие перейти к реализации установки на перестройку системы управления народным хозяйством. В постановлениях ЦК и Совмина предусматривалось предоставление предприятиям, колхозам и совхозам реальных хозяйственных прав в сфере планирования, производства и распределения заработанных денег.

Андропов исходил из того, что новые методы управления экономикой, наведение дисциплины и порядка в стране должны дать мощный импульс не только для решения текущих, но и перспективных задач. Ближайшей целью было обеспечение наиболее разумного использования имевшегося производственного и научно-технического потенциала, налаживание бесперебойной работы всего хозяйственного механизма. Была обозначена Задача и на перспективу - кардинальное повышение производительности труда. "Мы должны стремиться, - подчеркивал Андропов, - достичь в этом плане высшего мирового уровня".

Советский Союз располагал мощной научной и производственной базой. Но многие научно-технические открытия и изобретения слишком медленно внедрялись в производство. В то же время лицензию на их использование охотно покупали ведущие капиталистические страны.

Можно, конечно, ссылаться на то, что отдельные руководители не умели или не желали работать по-хозяйски. Встречалось и такое. Но главная беда заключалась в другом, в том, что у людей не было соответствующей мотивации, толкавшей их на создание, освоение и использование новейших машин и технологий. Поэтому и говорил Андропов о том, что необходимо разработать систему организационных и экономических мер, методов материального и морального стимулирования, которые бы заинтересовали в обновлении техники, во внедрении в производство последних достижений технологического переворота руководителей и рабочих, ученых и конструкторов. Такая система должна была сделать невыгодной работу по старинке, низкую производительность труда.

Генсек просил Н.И.Рыжкова проработать вопросы работы механизма концессий, совместных предприятий. Через несколько лет эти формы хозяйствования стали входить в жизнь страны. Ставил Андропов задачу и проработки возможности создания 15-16 экономических регионов, основанных на производственных потребностях, а не национально-территориальных принципах.

Начавшиеся преобразования в экономике Андропов рассматривал как часть, хотя и очень важную, всего процесса обновления социализма. Он отмечал, что проводимая работа принесет в предстоящие годы и десятилетия "значительные изменения также в политической и идеологической надстройке, в духовной жизни общества".

И здесь, наряду с реформированием системы управления экономикой, на первый план генсек выдвигал вопрос о совершенствовании демократии, ее непрерывном развитии. При этом неизменно подчеркивал, что понимает торжество демократии в самом буквальном и точном смысле слова - как подлинную победу народовластия.

"Мы не идеализируем того, - отмечалось в статье в журнале "Коммунист", - что сделано и делается в нашей стране в этой области. У советской демократии были, есть и, надо полагать, еще будут трудности роста, обусловленные материальными возможностями общества, уровнем сознания масс, их политической культуры, да и тем, что наше общество развивается не в типичных условиях, не в изоляции от враждебного нам мира, а под холодными ветрами развязанной империализмом "психологической войны".

Развитие демократии Андропов видел прежде всего в активном участии трудящихся масс в управлении государственными и общественными делами. Считал, что необходимо устранение всего, что глушит, подрывает инициативу масс, сковывает творческую мысль, живое дело трудящихся.

На июньском пленуме в 1983г. Юрий Владимирович заявил, что есть возможности дальнейшей демократизации порядка принятия решений по крупным вопросам государственной и общественной жизни. Для этого, по его мнению, следовало разворачивать все более широкое обсуждение проектов таких решений в трудовых коллективах; обязательный учет мнений профсоюзных, комсомольских, женских организаций; максимально внимательный подход к предложениям трудящихся. Он говорил, что приблизить деятельность партийных и государственных органов к нуждам и интересам народа может "большая гласность в работе", регулярная отчетность руководящих работников перед населением. И поход за такую гласность генсек начал с введения и публикаций о заседаниях политбюро.

Андропов решительно выступал против бюрократизма и формализма, выхолащивающих живую душу из демократических норм. Велика ли польза, говорил он, от таких собраний, где все идет по заранее подготовленному сценарию, где нет заинтересованного и откровенного разговора, где инициатива и критика приглушаются. Он считал, что немногого стоит профорганизация, которая не осмеливается поднять голос в защиту интересов трудящихся против непорядков на производстве, деятельность народных контролеров, если по их сигналам не принимается необходимых мер.

На декабрь 1983 г. был намечен пленум. Который должен был подвести итоги работы за год после принятия курса на обновление. Андропов серьезно готовился к нему. Но болезнь приковала его к больничной койке. Пошли разговоры о возможности переноса пленума, чтобы дождаться выступления генсека. Но Юрий Владимирович думал об этом по-другому. Он исходил из того, что нельзя терять набранных темпов работы. Проект подготовленного выступления был зачитан перед участниками пленума.

В этом выступлении отмечалось, что меры по совершенствованию управления хозяйством, повышению дисциплины позволили поправить положение на некоторых участках экономики, повысить инициативу, поднять активность масс. "В общем, - подчеркивал Андропов, - наметился положительный сдвиг в народном хозяйстве. Все это подтверждает правильность выработанной линии, реальность и обоснованность поставленной партии задач по развитию экономики, преодолению имеющихся трудностей".

Результаты этой работы были налицо. Производство промышленной продукции выросло на 4 процента, а производительности труда - на 3,5 процента. Это были наивысшие показатели за последние несколько лет. После четырехлетних неурожаев и спадов оживлялось сельскохозяйственное производство. Наметился заметный прирост в производстве мяса и молока.

С начала 1984 года на новые методы управления производством, осуществления хозяйственной самостоятельности были переведены предприятия двух ведущих общесоюзных министерств - тяжелого и транспортного машиностроения, электротехнической промышленности. На Украине, в Белоруссии и в Литве на новую систему перешли республиканские министерства пищевой, легкой и местной промышленности. Это был широкий эксперимент, о необходимости которого не раз говорил генсек. Предусматривалось, что постепенно на новую систему управления должны были переходить и другие отрасли. И опять экономические показатели работы за 1984 год значительно выросли. Это подтверждало, что путь, выбранный при Андропове, был правильным.

Таков, далеко не полный перечень того, что сделал или намечал сделать Андропов для обновления социализма. Он не оставил какого-то законченного и утвержденного плана, но поставил надежные вехи, по которым могли прокладываться пути дальнейшего преобразования страны. Не трудно понять, что страна приобрела бы другой облик, если бы продолжилась реализация задуманной им перестройки управления экономикой, укрепления дисциплины и наведения порядка, развития демократии.

Есть, правда, и такие критики Андропова, которые считают, что он бы не смог пойти по пути радикальных преобразований. Другие утверждают, что из его попыток обновления социализма все равно ничего бы не вышло, и это, дескать, доказывают результаты перестройки. И те, и другие явно лукавят. Первые - потому, что под радикальными преобразованиями понимают лишь отказ от социализма и переход на рельсы капитализма. Таким путем он действительно не собирался идти. А другие - лукавят, потому что перестройка при Горбачеве пошла совсем иначе, чем задумывалась Андроповым. Именно поэтому она разрушила то, что должна была укреплять - социализм.

М.С. Горбачев сам считает, что политический курс, получивший название "перестройка", был начат с его выступлений на мартовском и апрельском пленумах ЦК в 1985 г. Если посмотреть на тексты тех выступлений, то можно увидеть, что в них повторялись основные идеи, высказанные Андроповым. Говорилось, что необходимы совершенствование системы управления, укрепление социалистической собственности, расширение самостоятельности предприятий, совершенствование демократии, усиление дисциплины, наведение порядка, расширение гласности в работе партийных, советских, государственных и общественных организаций. Слово "перестройка" он упоминает лишь применительно к управлению экономикой. При этом Горбачев ссылается на преемственность курса, начатого в 1983 году Андроповым.

Взяв впоследствии звонкое слово "перестройка", Горбачев заявил, что она призвана дать больше социализма, больше демократии. С трибуны мартовского пленума он говорил: "Обещаю вам, товарищи, приложить все силы, чтобы верно служить нашей партии, нашему народу, великому ленинскому делу". А в книге "Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира", изданной в 1987г., писал: "Мы будем идти к лучшему социализму, а не в сторону от него. Мы говорим это честно, не лукавим ни перед своим народом, ни перед заграницей. Ожидать, что мы начнем создавать какое-то другое, несоциалистическое общество, перейдем в другой лагерь, - дело бесперспективное и нереалистичное".

Партия, общество поверили этим словам, этим клятвам. Поверили потому, что хотели обновления социализма, за которое взялся Андропов.

На первых порах еще продолжались начатые Андроповым преобразования в управлении народным хозяйством, совершенствование социалистической демократии. На этом пути было сделано немало. Происходила демократизация власти. Осуществлялся поворот к рыночному социализму, наподобие того, что существует в Китае. Совершенствовалась выборная система. Расширялась свобода печати.

Осуществление намеченных преобразований требовало упорного труда и времени. А творцам перестройки хотелось сиюминутных результатов. Тогда "архитекторы" и "прорабы" этой перестройки, в соответствии с законами строительных работ начали все ломать. Но жизнь - не стройплощадка. Она не терпит пустоты. На смену разрушенному пришли другие

идеалы и другие силы. Началось создание какого-то другого, "несоциалистического общества", от которого еще недавно открещивался Горбачев.

Демократические преобразования, ставшие возможными на базе социализма, были повернуты против него. Вместо укрепления общественной собственности, составлявшей фундамент существования социализма и являвшейся главным источником его прогресса, был взят курс на создание частного предпринимательства, приватизацию. Гласность использовалась для того, чтобы открыть шлюзы, через которые хлынул поток антисоветизма, национализма.

Не берусь сейчас сказать, кто действовал тогда, не ведая, что творит, а кто сознательно вел борьбу против советской власти. История еще вынесет свое суждение обо всем этом. Но и сейчас ясно, что именно со стороны группы лиц в высшем руководстве наносился удар по социализму. Это дезорганизовало партию, советскую власть, все общество. Перестройка, нацеленная на обновление социализма, привела совсем к иным результатам. Под ее прикрытием были подготовлены условия для слома социализма в Советском Союзе.

Но не была сломлена убежденность людей в том, что многие принципы социализма по-прежнему воплощают в себе самые высокие, демократические ценности, выработанные человечеством. Люди оглядываются на то хорошее, что принес социализм. Делают выводы и о том, как не повторить того негативного, мрачного, что также было в практике осуществления социалистических преобразований. Чтобы разобраться во всем этом, не ошибиться, они и обращаются к Андропову.

ШАРАПОВ Виктор Васильевич, помощник Генерального секретаря
ЦК КПСС в 1992-94 гг., Чрезвычайный и Полномочный посол

СТИХОТВОРЕНИЕ В.Ю. Андропова

Да, все мы смертны, хоть не по нутру
Мне эта истина, страшней которой нету,
Но в час положенный и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет седая Лета.

Мы бренны в этом мире "под луной":
Жизнь только миг; небытие навеки.
Кружится во вселенной шар земной,
Живут и исчезают человеки.

Но сущее, рожденное во мгле,
Неистребимо на пути к рассвету,
Иные поколенья на Земле
Несут все дальше жизни эстафету